

ЛЕОН ВЕИРОН

— ДОЛГ ЖИВОГО МИРА —

СЕРДЦЕ СПЯЩЕЙ ЗЕМЛИ

КНИГА ВТОРАЯ

L Veyron

Сердце спящей земли

«Автор»

2026

Veyron L.

Сердце спящей земли / L. Veyron — «Автор», 2026

После отказа Севера от принудительной магии цена легла на Запад. Бледное море отступает, древний материк начинает движение, а город Астэр теряет сам горизонт. Иара Тенн отправляется к спящему сердцу земли и узнаёт: Империя веками удерживала не стихийную силу, а живое существо, способное отказаться. Чтобы спасти миллионы, Иара должна вернуть право выбора людям, земле и девушке, которую снова хотят превратить в единственный выход.

© Veyron L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Море уходит	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖОЙ РИТМ	8
Глава 1. Север, который умеет отказывать	9
Глава 2. Цена дороги	13
Глава 3. Город без горизонта	20
Глава 4. Белое дно	23
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОРЕ ПОД ЗЕМЛЁЙ	26
Глава 5. Карта, которая движется	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

L Veyron

Сердце спящей земли

ЛЕОН ВЕЙРОН
ДОЛГ ЖИВОГО МИРА
Книга вторая
СЕРДЦЕ СПЯЩЕЙ ЗЕМЛИ
Роман
2026

СЕРДЦЕ СПЯЩЕЙ ЗЕМЛИ

После отказа Севера от принудительной магии цена легла на Запад. Бледное море отступает, древний материк начинает движение, а город Астэр теряет сам горизонт. Иара Тенн отправляется к спящему сердцу земли и узнаёт: Империя веками удерживала не стихийную силу, а живое существо, способное отказаться. Чтобы спасти миллионы, Иара должна вернуть право выбора людям, земле и девушке, которую снова хотят превратить в единственный выход.

© Леон Вейрон, 2026

«Граница нужна не для того, чтобы удержать мир. Она нужна, чтобы мир мог сказать: дальше — не твоё».

Из первого договора Запада

Пролог. Море уходит

Талва Рей не видела, как море начало отступать.

В тот час она стояла на западном молу Астэра, держась двумя пальцами за натянутый вдоль парапета шнур. Шнур помогал ей отличать прямое от наклонного. Без него камни под ногами могли подняться, стены — лечь набок, а горизонт — повернуться вокруг собственной оси. Глаза показывали одно, тело утверждало другое, и за двенадцать лет Талва так и не решила, кому из них следует доверять.

Поэтому она доверяла отвесу.

Медный груз висел над делением, вырезанным в краю мола. В обычную ночь он отклонялся на половину ногтя к северу: глубинная линия тянула город в сторону меридиана. Сегодня груз стоял точно посередине.

Талва записала время.

За спиной скрипели портовые ворота. Ночная смена разгружала баржу с мукой, прибывшую из южных провинций. Матросы ругались тихо, берегли голос перед обратным рейсом. В Астэре голос считался рабочим инструментом. После весенних сборов люди научились не тратить его зря.

— Опять проверяешь неподвижное? — спросил сторож.

— Если оно сдвинется, я хочу заметить первой.

— Земля не сдвигается.

— Тогда мне не придётся тебя будить.

Сторож фыркнул и ушёл к воротам. Талва выждала, пока его шаги растворятся в шуме порта, и переставила отвес на вторую отметку.

Груз снова замер в центре.

Не ветер. Не ошибка мола. Не слабость её повреждённого тела.

Исчезло направление.

Талва опустила на колено и коснулась камня ладонью. По граниту обычно проходила мелкая дрожь — отклик меридиана на столичные меры, дворцовые фонари, лечебницы и защитные купола. Последние два месяца дрожь усиливалась. Иногда камень бился под кожей, как чужой пульс.

Теперь мол молчал.

Сначала она подумала, что потеряла ещё одно чувство.

Талва сняла перчатку, провела ногтем по шершавой кладке и почувствовала царапину. Холод тоже остался. Боль, которой она проверяла себя в плохие дни, отозвалась честно.

Пропала не способность чувствовать землю.

Пропала сама привычная земля.

Из темноты донёсся треск. Не громкий — лопнула одна из швартовых верёвок. Потом вторая. Баржа у причала медленно опустилась, хотя вода не могла унести её вниз.

Матросы закричали.

Талва подняла фонарь.

Вода уходила из гавани.

Не волной и не отливом. Поверхность сохраняла ровность, просто становилась ниже, будто в морском дне открылся огромный клапан. Каменные сваи обнажались одна за другой. Баржи кренились, садились на ил, ломали рули. Рыба билась на мокрых ступенях.

Портовый колокол дёрнулся.

Звук не было.

К нему уже бежали люди. Один рабочий остановился посреди мола и схватился за парашет.

— Где город? — спросил он.

Астэр возвышался в сотне шагов: белые башни, красные крыши, огни на стенах. Рабочий смотрел прямо на них и не узнавал направление.

Другой мужчина повернулся к морю.

— Это север?

— Запад, — ответила Талва.

— Почему ты уверена?

Она показала на портовые знаки. Объяснение никого не успокоило. Люди знали названия сторон света, видели звёзды и городские башни, но внутреннее чувство, связывавшее слово с направлением, исчезло.

Над кварталами зажглись аварийные мерные линии. Красные нити пробежали по крышам и стенам. Талва ощутила, как они втягивают силу из домов. На дверях вспыхивали переписные знаки.

Империя пыталась удержать порт.

Цена пришла сразу.

Рабочий рядом с ней потерял опору и упал на колени. За ним ещё двое. Люди хватались за канаты, за камни, друг за друга. Их тела переставали понимать, где верх.

Талва осталась стоять.

У неё уже нечего было забирать.

Море опускалось до рассвета. Когда солнце поднялось, воды не оказалось даже за внешними волноломами. Перед Астэром лежало белое дно, покрытое илом, солью и телами старых кораблей. Далеко на западе, там, где вчера проходил морской путь, из грязи выступала вершина башни.

Она была старше города.

Вокруг неё расходились пять каменных дуг. На каждой виднелись знаки первых счётчиков — не имперские, а древние, созданные до того, как меру научились превращать в приказ.

Талва установила отвес на краю осушённого моря.

Груз отклонился не к северу и не к столице.

Он указывал вниз.

В глубине белого дна что-то ударило.

Через семь вдохов пришёл второй толчок.

Талва записала время, направление и расстояние между ударами. Потом перечеркнула последнее слово.

Расстояния больше не существовало.

Земля под Астэром начала поворачиваться.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖОЙ РИТМ

Глава 1. Север, который умеет отказывать

Через два месяца после погасания северного живого огня Эйрн научился просыпаться от механического шума.

До рассвета на улицах начинали работать насосы Келя. Поршни двигались неравномерно, цепи скребли по кожухам, вода била в каменные резервуары. Звук раздражал жителей, однако никто не предлагал вернуть прежнюю тишину. Раньше водонапорные башни наполнялись без единого удара — за счёт людей, чьи имена не попадали в городские ведомости.

Теперь каждая кружка воды имела слышимую причину.

Иара Тенн сидела на крыше бывшей мастерской литейщиков и считала сбои в работе северного насоса. На седьмом обороте нижний подшипник издавал сухой шелчок. На одиннадцатом цепь провисала. На двадцать третьем вся конструкция вздрагивала, и Кель внизу ругался с помощниками.

Он не замечал, что ругается в том же ритме.

Иара записала число на полях нового журнала.

Старый журнал Лодена хранился в городском архиве под тремя разными замками. Новый принадлежал только ей. На первой странице она вывела правило: «Ни одно измерение не считается нейтральным, пока не названы те, для кого ошибка станет ценой».

Под правилом уже было сорок семь исправлений.

Белые рубцы на её ладонях вспыхнули.

Иара закрыла журнал.

Удар пришёл с запада. Глубокий, медленный, слишком огромный для человеческого тела. Северное существо под горой отозвалось коротким движением, словно услышало соседа во сне.

За первым ударом последовал второй.

Потом третий — с юга.

Иара положила обе руки на камень крыши и поставила границу. Она научилась этому не сразу. В первые недели чужие ощущения входили без спроса: давление пластов, холод подземной воды, терпеливая боль корней, раздвигающих скалу. Она просыпалась с землёй во рту и не могла вспомнить, как звучит собственное дыхание.

Теперь связь останавливалась у белых рубцов.

Почти всегда.

Западный удар повторился. В нём не было просьбы о помощи. Живой мир ещё не умел просить словами. Он сообщал факт: часть его тела начала двигаться.

— Ты опять слышишь, — сказал Кель.

Он поднялся на крышу, вытирая руки промасленной тканью. За два месяца волосы у него стали короче, а хромота — заметнее. Старый тюремный фиксатор оставил повреждение, которое Мирт обещал исправить, если Кель хотя бы неделю не будет лазить по насосным башням.

Кель считал условие невыполнимым и потому медицински недействительным.

— Запад, — ответила Иара. — Два удара с интервалом в семь вдохов.

— Вчера было девять.

— Ты запомнил?

— Я строю машины. Всё, что повторяется, рано или поздно пытается сломать мою работу.

Он сел рядом, оставив между ними расстояние для журнала. Иара показала расчёты. Западный ритм ускорялся шестой день. Южный оставался редким, но каждый раз северное существо отвечало тревожным сокращением.

— Если это сердца, — сказал Кель, — у мира плохой врач.

— Это не сердца в человеческом смысле.

— Удобно. Значит, к ним нельзя применить мои ограниченные познания.

— Можно применить осторожность.

Кель посмотрел на рубцы.

— Она снова не помогла тебе уснуть.

Иара закрыла ладони руками. Спорить не имело смысла. Последние три ночи она спала по часу и каждый раз просыпалась за несколько мгновений до западного удара.

— Насос работает хуже, — сказала она.

— Грубая смена темы.

— Нижний подшипник щёлкает на седьмом обороте.

Кель наклонился над краем крыши и прислушался.

— На восьмом.

— Пока ты поднимался, ритм изменился.

Он улыбнулся без радости. Внизу помощники остановили насос. Город на несколько минут остался без воды, и у ближайшего резервуара сразу выстроилась очередь. Люди уже не воспринимали перебои как доказательство конца мира. Они знали, что поломка имеет место, причину и человека, способного её исправить.

С магией всё было сложнее.

Добровольные контуры работали в трёх северных городах. В назначенный час жители могли открыть связь и отдать часть тепла, сна или другого ощущения. Отказ не наказывался, имена не записывались. Система поддерживала лечебницы и аварийные маяки, но не дворцовый свет и не удобство богатых кварталов.

Желающих оказалось меньше, чем рассчитывал городской совет.

Энна называла это честным измерением.

Сегодня Иара должна была давать показания перед независимым кругом. В бывшей школе собрались представители городов, семей погибших, мерителей и мастеров. Они обсуждали не только преступления Империи, но и её собственные подписи.

Иара не просила отсрочки.

Колокол у северных ворот ударил трижды.

— Не наш, — сказал Кель.

Звук означал прибытие государственного посланника.

На площади люди остановились. После объявления Иары преступницей имперские гонцы не приезжали открыто. Сообщения оставляли у застав или передавали через торговцев.

В ворота вошёл один всадник.

Кайр Оссар был без мундира, но толпа узнала его раньше, чем он спешил. Повреждённая рука висела на перевязи. За седлом был привязан длинный футляр государственной печати, обёрнутый серой тканью.

Он прошёл к мастерской, не отвечая на вопросы.

— Совет предлагает перемирие, — сказал Оссар, поднявшись на крышу.

— Значит, им что-то нужно, — ответил Кель.

— Вы.

Оссар передал Иаре узкий лист. На нём стояли печати внутреннего совета, западного управления и Палаты мер. Подписи не совпадали по времени: документ собирали в спешке.

Западное Бледное море отступило. Астэр лишился гавани. В пяти городах жители потеряли чувство направления, в двух — равновесие. Мерные линии меняли положение. Столица требовала создать совместную комиссию и временно отменяла приказ о задержании Иары Тенн на западной территории.

Отменяла не обвинение. Только исполнение.

— Почему Палата подписала? — спросила Иара.

— Потому что их главный западный наблюдатель исчез, — сказал Оссар. — За сутки до отступления моря.

Он положил на журнал вторую бумагу. Это была копия перевода заключённого из дворцового изолятора.

Севен Ард. Рабочий северной башни. Единственный человек, переживший полное подключение пятого кольца и сохранивший способность различать чужую боль.

Месяц назад его отправили в Астэр.

— Кто распорядился? — спросила Иара.

— Советник без имени. Допуск Первого Счётчика.

Кель взял бумагу и провёл пальцем по краю печати.

— Такой должности нет.

— Официально, — сказал Оссар.

Иара вспомнила чёрный ключ из резиденции, белую маску на древних записях и пятую модель материка в подземном зале, которую она видела через чужие ощущения.

Западный удар прошёл сквозь крышу.

На площади несколько человек покачнулись. Другие ничего не заметили.

— Сколько времени? — спросила Иара.

— Комиссия ждёт ответ до заката.

— А море?

— Не ждёт.

В школьном зале собрание уже началось. На месте судьи оставили пустой стул: новый круг не признавал единственного председателя. Иара вошла, положила на стол предложение совета и рассказала о западном ритме.

Никто не предложил ей немедленно ехать.

Сначала выступила женщина из Ольдена, потерявшая мужа при первом северном сборе. Она спросила, имеет ли Иара право покидать город до окончания показаний.

Потом мастер насосов напомнил, что добровольный контур ещё нестабилен.

Представитель семей погибших спросил, не является ли имперское перемирие ловушкой.

Все вопросы были справедливы.

Иара отвечала по порядку. Она не могла доказать, что вернётся. Не могла обещать безопасность Севера. Не знала, ловушка ли это. Могла только назвать последствия бездействия: западный меридиан примет на себя всё, что столица потеряла после отключения северного. Если его сердце проснётся под принудительным контуром, движение затронет не одну провинцию.

— Вы говорите так, будто уже решили, — заметила Энна.

— Решение не отменяет проверки.

— Тогда сформулируйте цену.

Иара посмотрела на людей, чьи показания должна была слушать ещё несколько недель.

— Если я останусь, запад может погибнуть без человека, способного установить связь. Если уеду, отложу собственный суд и оставлю северную систему незавершённой.

— Это цена для вас, — сказала женщина из Ольдена. — А для нас?

Иара не ответила сразу.

— Вы останетесь с городом, который снова зависит от нескольких специалистов. Если система сломается, вам придётся выбирать без меня.

— Значит, пора научиться.

Решение приняли не голосованием, а тремя отдельными кругами. Семьи погибших разрешили отсрочить показания на четыре месяца. Города потребовали оставить все расчёты и право остановить добровольный контур. Мастера назначили двух новых проверяющих вместо Иары.

Каждая сторона могла отказать.

Никто не отказал.

К закату Кель собрал инструменты. Оссар получил дорожные знаки без имперского герба. Мирт подготовил перевязочные материалы и сообщил, что едет с ними, потому что Иара считает бессонницу методом исследования.

Лир пришёл последним.

— Я тоже, — сказал он.

— Нет, — ответила Иара.

Раньше он спорил бы. Теперь положил на стол свой журнал. На обложке было написано: «Проверка отказа».

— Тогда оставьте мне работу.

Иара передала ему список северных узлов, которые могли принять дополнительную нагрузку. Лир прочитал и вычеркнул два.

— Здесь живут семьи, уже отдавшие сон.

— Верно.

— Вы проверяли?

— Нет.

Он вернул лист.

— Теперь проверю я.

Вечером город открыл добровольный контур. Иара стояла у ворот и чувствовала, как к северному существу идут отдельные, несвязанные потоки: тепло от пекаря, час спокойного сна от старой учительницы, вкус яблока от человека, не назвавшего имени. Каждый след заканчивался там, где его владелец поставил границу.

Существо приняло не всё.

Некоторые дары вернулись.

Иара впервые подумала, что отказ может принадлежать не только человеку.

Потом западное сердце ударило снова, и дорога под копытами едва заметно наклонилась.

Глава 2. Цена дороги

Из Эйрна они выехали впятером: Иара, Кель, Оссар, Мирт и женщина, которая до северных событий перевозила почту между городами.

Её звали Тара Вен. Во время мятежа она провела через линию огня двенадцать повозок с лекарствами и с тех пор отвергала слово «проводник», потому что оно приобрело слишком много магических значений.

— Я знаю дороги, — сказала она. — Этого достаточно.

Дорог на запад оказалось три. Южная проходила через имперские заставы. Средняя была разрушена при движении северной горы. Тара выбрала старый торговый тракт вдоль сухих каналов.

Кель ехал в двухосной повозке собственной конструкции. Вместо магического облегчения груза он установил рессоры, широкие колёса и систему рычагов, позволяющую одному человеку вытянуть машину из грязи. Повозка весила больше обычной, скрипела на подъёмах и вызывала у встречных мастеров оскорбительный интерес.

На второй день сломалась передняя пружина.

Кель воспринял это как личное предательство металла.

Пока он работал, Иара осмотрела сухой канал. На камнях сохранились выцветшие мерные знаки. После отключения северного контура вода должна была вернуться к естественному руслу, но дно оставалось пустым. Поток перехватывал западный меридиан.

Возле старого шлюза стояла деревня. Люди выстроились у колодца, хотя вёдра поднимались полными. Женщина набрала воду, попробовала и выплеснула.

— Солёная? — спросил Мирт.

— Не знаю.

Она дала ему кружку. Вода была пресной.

В деревне не чувствовали вкус.

Потеря началась неделю назад. Сначала у детей, потом у взрослых. Палата не присылала мерителей. Староста получил только приказ увеличить поставки зерна: если пища не имеет вкуса, объяснял документ, жители могут питаться более простыми продуктами.

Иара попросила показать переписные знаки.

На каждом доме была вырезана коронованная спираль с двумя дополнительными чертами. Западный сбор. В северной провинции.

— Мы не соглашались, — сказал староста.

— Знаю.

— Это вы остановили меридиан?

Люди ждали ответа. Оссар стоял у повозки, не касаясь оружия. Мирт уже осматривал детей.

— Я участвовала в его отключении, — сказала Иара.

— Значит, цена пришла к нам из-за вас.

— Дополнительную нагрузку назначил совет. Но если бы северный контур продолжил работать, цена оставалась бы у других деревень.

Староста медленно кивнул.

— Очень аккуратный ответ.

— Другого у меня нет.

Он показал на колодец.

— Тогда дайте полезный.

Иара открыла измерительный футляр. Государственные пластины она оставила в Эйрне. Теперь пользовалась медными нитями, изготовленными городскими мастерами. Они были менее точными, зато не связывались с Палатой.

След уходил на запад. Поток вкуса соединял деревню с линией, проходившей глубоко под трактом. Иара могла разорвать местный знак, но тогда нагрузка перешла бы к соседям.

— Нужно отключить весь участок, — сказала она.

— Сколько деревень?

— Не знаю.

— Сколько времени?

— До вечера, если найдём распределитель.

Староста посмотрел на почтовую повозку, на инструменты Келя и на дорогу.

— Комиссия вас ждёт?

— Да.

— А мы нет?

Иара закрыла футляр.

Они остались.

Распределитель нашли в заброшенной мельнице. Имперские мастера встроили его в старое водяное колесо и обозначили как аварийный регулятор. Механизм забирал слабые ощущения у двадцати трёх поселений, смешивал их и отправлял на запад. Каждая отдельная потеря казалась допустимой. Вместе они обеспечивали меру, достаточную для защитного купола над дворцовым кварталом.

Кель отключил привод.

— Можно разрушить, — сказал он. — Но совет пришлёт новый.

— Тогда сделайте так, чтобы было видно вмешательство.

Он снял внешнюю панель и перенёс шестерни наружу. Теперь распределитель нельзя было принять за часть мельницы. На главном валу Кель вырезал число подключённых домов.

Иара дописала: «Без согласия».

Жители собрались у шлюза. Она объяснила, что вкус может вернуться не ко всем и не сразу. Повреждённые следы восстанавливались хуже, чем временно отключённые.

— А если не вернётся? — спросила женщина с кружкой.

— Тогда Палата должна признать потерю и обеспечить помощь.

— Палата не приехала.

— Значит, признать придётся нам.

Мирт записал имена пострадавших. Не для сбора — для будущего суда и лечения. Перед отъездом староста дал им мешок хлеба.

— Он безвкусный, — предупредил он.

Кель отломил кусок.

— Хлеб хороший.

— Откуда вы знаете?

— По корке.

На третий день тракт стал подниматься, хотя карта показывала равнину. Тара проверила высоту по старым межевым столбам. Каждый следующий уходил в землю глубже предыдущего.

— Дорога наклоняется на запад, — сказала она.

— Земля движется? — спросил Мирт.

— Пока только меняет представление о ровном.

Кель установил на повозке два отвеса. Один отклонялся к меридиану, другой — к ближайшей линии живой ткани. К вечеру они смотрели в разные стороны.

Иара чувствовала удары всё сильнее. Западное существо не просыпалось в обычном смысле. Его сон становился активным. Под землёй сокращались огромные пласты, менялось давление воды, старые разломы вспоминали движение.

Ночью она не стала ложиться.

Оссар сидел у костра и чистил нож. Повреждённую руку он уже мог сгибать, но пальцы не удерживали тяжёлые предметы.

— Вы согласились слишком быстро, — сказала Иара.

— На что?

— Ехать с государственным преступником во второй раз.

— В первый раз я считал вас заключённой.

— Это должно было усложнить второй выбор.

Оссар убрал нож.

— В столице мне предложили вернуть звание. Нужно было подписать, что вы действовали по приказу Орста и разрушили северный меридиан ради мятежников.

— Вы отказались.

— Нет. Сначала попросил доказательства.

Иара ждала продолжения.

— Они показали мне готовые, — сказал он. — С именами погибших солдат, которых не существовало. После этого отказ стал простым.

— Простые отказы редко безопасны.

— Поэтому я здесь.

Он передал ей небольшой металлический круг. Государственная печать. Настоящая, снятая с футляра.

— Если комиссия попытается вас задержать, этот знак даст нам несколько минут.

— А потом?

— Потом выяснится, осталась ли у Империи привычка подчиняться собственным символам.

* * *

Утром Тара обнаружила, что тракт за ночь сместился.

Не разрушился и не ушёл под воду. Просто та его часть, которая вчера проходила между двумя межевыми камнями, теперь лежала на три человеческих шага южнее. Старые колеи упирались в траву. Новые, ещё влажные, возникли там, где никто не ехал.

Кель долго ходил между ними с отвесами.

— Земля не передвинула дорогу, — сказал он наконец. — Она изменила, какое место считает дорогой.

Тара присела у новой колеи и провела пальцами по следу несуществующего колеса.

— Для почты разница существенная.

До полудня они двигались медленно. Тара отмечала путь деревянными кольями, но те оставались позади не прямой линией, а дугой. Иногда путники видели собственные следы впереди. Один раз повозка выехала к ручью, который они пересекли час назад, хотя всё это время поднималась вверх.

Иара не чувствовала пространственной петли. Ни одна линия не замыкалась. Западное сердце не путало дорогу — оно пробовало разные положения земли, как спящий человек ищет удобную сторону.

— Оно может перевернуться? — спросил Мирт.

— Не целиком. Для нас хватит и нескольких градусов.

— Очень утешительно.

К вечеру перед ними возникло поселение, которого не было на карте. Низкие каменные дома стояли по обе стороны тракта, а над площадью висели четыре указателя. Все показывали на запад.

На первом было написано «ЭЙРН».

На втором — «АСТЭР».

На третьем — «РИАЛЬТ».

На четвёртом не осталось названия. Стрелка поворачивалась вслед за людьми.

Тара знала поселение.

— Шаг, — сказала она. — Пограничная почтовая станция. Она должна быть в двенадцати милях к северу.

— Может, мы в двенадцати милях к югу? — предположил Мирт.

— Тогда здесь должна быть река.

Реки не было.

У станции их встретила девочка лет двенадцати. На шее у неё висели три компаса. Стрелки смотрели в разные стороны.

— Вы с востока? — спросила она.

— Да, — ответила Тара.

— Откуда вы знаете?

Тара показала на пыль под колёсами.

— Она с восточного тракта.

Девочка задумалась и кивнула. В Шаге больше не доверяли направлениям, но ещё доверяли веществу.

Начальник станции Лем Дор разместил их в общем зале. Он был сухим, высоким мужчиной с выцветшим почтовым знаком на воротнике. На стенах висели мешки, каждый подписанный двумя адресами: старым и тем, где получателя нашли в последний раз.

— Сколько поселение движется? — спросила Иара.

— Само — нисколько. Остальное движется вокруг нас.

— Это невозможно измерить.

— Поэтому Палата решила, что невозможно и оплачивать службу. Жалованья нет третий месяц.

Несмотря на это, почту в Шаге продолжали принимать. Лем объяснил: если человек написал письмо, тот уже заплатил усилием и ожиданием; превращать исчезновение дороги в его дополнительный долг было бы нечестно.

На стол он положил девять писем в Астэр.

— Возьмёте?

Тара проверила печати.

— Мы не почтовый обоз.

— Вы почтовая повозка.

— Повозка бывшая.

— Письма этого не знают.

Она убрала мешок под сиденье.

Иара осмотрела станцию. Под площадью проходили две линии: старая дорожная, созданная для того, чтобы путники не теряли направление, и новая западная, тянувшаяся к отступившему морю. Их пересечение меняло местами понятия пути и цели. Человек мог идти к указанному месту, но земля считала его намерение дорогой и перестраивалась под него.

Именно поэтому все указатели смотрели туда, куда хотел попасть ближайший человек.

— Нужно отключить дорожный знак, — сказала Иара.

Лем покачал головой.

— Тогда станцию никто не найдёт.

— Сейчас её находят не те, кто ищет.

— Зато находят.

Он показал на дальнюю комнату. Там находились семнадцать человек: торговцы, солдаты, семья с грудным ребёнком, двое стариков. Все пришли по разным дорогам и не могли уйти. Стоило им выбрать направление, как тракт возвращал их к станции.

— Мы кормим их пять дней, — сказал Лем. — Запасов ещё на три. Отключите знак — и Шаг исчезнет между новыми положениями земли. Оставьте — и люди останутся здесь.

Кель разложил инструменты.

— Можно разделить цель и движение. Механически.

— Сколько времени? — спросила Тара.

— Если ответить честно, вы не разрешите начать.

— Значит, до утра.

Работали всю ночь.

Старый дорожный знак был создан до имперских меридианов. Его строители не пытались удержать пространство. Они установили на четырёх выходах каменные барабаны, которые напоминали шаг человека и возвращали ему направление через равные промежутки. Имперские мастера позже соединили барабаны с общей сетью, превратив помощь в приказ: дорога не предлагала ориентир, а заставляла следовать зарегистрированной цели.

Кель снял соединительные пластины. Иара разомкнула мерную нить. Оссар и Мирт вращали барабан, пока Тара читала адреса на почтовых мешках — не как назначения, а как доказательство, что между двумя местами должен существовать путь.

На рассвете механизм остановился.

Люди в дальней комнате вышли на площадь. Указатели больше не следили за ними. Каждая стрелка указывала туда, куда её повернули руками.

— Теперь можно идти? — спросила женщина с ребёнком.

— Можно выбрать, — ответила Иара. — Дорога не обещает, что место осталось там же.

— Тогда чем это лучше?

Тара достала из повозки запасные почтовые ленты. Одну протянула женщине, вторую привязала к столбу у станции.

— Вы пойдёте, пока видите эту ленту. Потом поставите свой знак. Следующий человек продолжит. Если земля сдвинет путь, мы узнаем где.

— Кто такие «мы»?

Тара посмотрела на Лема.

— Почта.

Тот впервые улыбнулся.

Так от Шага проложили четыре временные дороги. Не прямые и не самые короткие. На каждом отрезке решение принимал новый человек, поэтому западная линия не могла захватить общую цель.

Первую группу Иара проводила до каменной гряды. Среди путников был солдат, возвращавшийся в часть. Он всё время держал руку на рукояти меча и поглядывал на её рубцы.

— В столице говорят, вы разбудили северное чудовище, — сказал он.

— Северное существо не спало.

— Значит, чудовище верно?

— Нет.

— Почему вы уверены?

Иара подумала о людях, которых существо удерживало в огне, и о дарах, которые оно научилось возвращать.

— Не уверена. Но слово «чудовище» обычно означает, что мы уже разрешили себе не спрашивать.

Солдат посмотрел на дорогу.

— А если оно не отвечает?

— Тогда спрашивать придётся дольше.

У гряды земля качнулась. Не сильно, но сразу в двух направлениях. Люди прижались к камню. Ребёнок заплакал. Вдалеке один из указателей медленно повернулся на юг.

Иара ощутила под ногами огромную, усталую мысль.

Западное сердце не знало, где находится его край.

Сто лет имперские линии говорили ему, какие берега считать собственными, какую воду удерживать, какие города нести. После ослабления контура все прежние ответы потеряли силу одновременно.

Оно не пыталось уничтожить поселения.

Оно искало границу тела.

Белые рубцы нагрелись. Иара опустила ладони на землю, но не открыла связь полностью.

— Это Шаг, — произнесла она. — Здесь живут люди. Они не часть твоего движения.

Ответ пришёл не словами. Под пальцами возникло ощущение слишком тесной обуви, которую невозможно снять, не зная, где заканчивается нога.

Иара отдернула руки.

Кель заметил.

— Что оно показало?

— Почему граница не равна стене.

— Полезно?

— Пока нет.

Они вернулись на станцию. Три группы ушли. Четвёртая решила остаться до следующего дня. Никто больше не оказался заперт.

Лем предложил им комнаты на ночь, но Тара отказалась. Если они задержатся, временная дорога может снова принять Астэр за цель всех находящихся рядом.

Перед отъездом девочка с тремя компасами подошла к Иаре.

— Какой правильный? — спросила она.

Иара посмотрела на стрелки. Одна тянулась к имперскому меридиану, другая — к западному сердцу, третья сохраняла положение относительно солнца.

— Все показывают правду о разном.

— Тогда почему взрослые говорят, что два сломаны?

— Потому что не подписали, о чём спрашивают.

Девочка сняла компасы и нацарапала на каждом название. Потом вернула на шею.

Тара направила повозку по новому пути. За спиной осталась станция, которую уже нельзя было найти одним желанием.

Зато к ней вели четыре человеческие дороги.

На четвёртый день они увидели первые западные башни. Их строили не вертикально, а с небольшим наклоном против постоянного движения меридиана. Теперь башни стояли прямо, а дома вокруг них кренились.

У заставы висела новая надпись:

«СЕВЕРНЫЕ МЕРЫ ЗАПРЕЩЕНЫ. ЛИЦА, ПРИЧАСТНЫЕ К ПОГАСАНИЮ ЖИВОГО ОГНЯ, ОБЯЗАНЫ ЯВИТЬСЯ В УПРАВЛЕНИЕ».

Под ней кто-то добавил углём:

«ПРИНЕСИТЕ НАШ ГОРИЗОНТ».

Тара остановила повозку.

— Дальше начинается Запад.

Кель посмотрел на наклонённые дома.

— Судя по всему, он уже начался под нами.

Иара шагнула за пограничный столб.
Белые рубцы вспыхнули до локтей.
Впервые западное сердце ответило не ударом.
Оно попыталось повернуться к ней.

Глава 3. Город без горизонта

До Астэра оставалось тридцать миль, когда им встретился первый человек с привязанным к поясу отвесом.

Мужчина шёл по обочине, держа в руке длинный шест. Через каждые пять шагов касался земли и проверял наклон. Увидев путников, он отступил в поле.

— Дорога свободна, — сказала Тара.

— Для вас, возможно.

Мужчина указал на Иару. Белые рубцы были скрыты перчатками, но на груди висел футляр мерительницы.

— Северная?

— Риальтская.

— Теперь это хуже.

Он дождался, пока они проедут, и только потом вернулся на тракт.

Чем ближе был город, тем больше становилось линий. Канаты тянулись вдоль домов, мостов и площадей. На перекрёстках стояли деревянные рамы с отвесами. Люди двигались, касаясь натянутых верёвок. Те, кто пытался идти без опоры, внезапно отклонялись, падали или застывали, не понимая, где находится верх.

Астэр строили вокруг моря. Белые улицы спускались к гавани уступами, крыши повторяли линию волн, башни служили маяками. Теперь море исчезло, и город смотрел на пустое дно.

Горизонт стал слишком далёким.

На месте воды лежала соляная равнина. Из неё торчали мачты, старые стены и чёрные корпуса затонувших кораблей. В двадцати милях от берега поднималась древняя башня.

Иара почувствовала её прежде, чем увидела. Внутри камня работал слабый контур, не похожий на имперские линии. Он не забирал ощущения. Он задавал вопрос и ждал ответа.

У городских ворот комиссию встречали без знамён.

Председатель западного совета Лоран Весс был невысоким человеком с усталыми глазами. Рядом стояли два мерителя Палаты и женщина в коротком сером плаще. От её пояса к земле спускались три отвеса разной длины.

Она не протянула руку.

— Талва Рей, береговая землемерка, — представил Весс. — Руководит измерением смещения.

— Никем не назначена, — добавила Талва. — Остальные назначенные уехали или перестали различать пол.

Она смотрела на Иару без враждебности. Хуже — как на прибор, которому предстояло доказать точность.

— Вы чувствуете меридиан? — спросила Иара.

— Чувствовала, пока Палата не решила испытать распределение равновесия на одном человеке.

Талва постучала по медному грузу.

— Теперь использую вещи, которые не лгут из страха.

Весс поморщился.

— Разговор можно продолжить в совете.

— Сначала море, — сказала Талва.

— Комиссия прибыла по моему приглашению.

— Море ушло без него.

Кель тихо вздохнул.

— Кажется, у вас есть местная Иара.

— Я услышала, — сказала Талва.

— Тогда сходство ограничено.

Они прошли к бывшей таможенной площадке. Отсюда открывалось всё белое дно. Талва установила треногу, закрепила шнур и показала расчёты.

За шесть дней берег опустился на два локтя относительно восточных башен. Древняя башня на дне, наоборот, поднялась. Расстояние между ними по поверхности увеличилось, хотя ни одна точка не двигалась достаточно быстро.

— Карта растягивается, — сказал Кель.

— Карта врёт, — ответила Талва. — Земля не обязана сохранять наши расстояния.

Иара опустила нить на камень. Красные каналы под кожей города вспыхнули сразу. Западный меридиан был перегружен. Миллионы тонких следов сходились к главной линии: тепло, вкус, чувство высоты, способность отличать восток от запада. Столица брала понемногу у слишком многих людей, чтобы отдельная потеря выглядела преступлением.

Поток уходил не к Астэру.

Он проходил через город и спускался под морское дно.

— Башня принимает сбор, — сказала Иара.

— Для чего? — спросил Весс.

— Чтобы удерживать что-то ниже.

Талва закрепила свой отвес рядом с измерительной нитью. Медный груз отклонился к башне.

— Не удерживать, — сказала она. — Поворачивать.

В совете собрались представители портовых кварталов, внутренних районов и Палаты. Для Иары оставили место в центре круга. Не как гостю — как обвиняемой.

Первой выступила женщина из гавани. Её сын погиб, когда корабль лёг на дно. Второй мужчина потерял способность стоять и теперь сидел, привязанный к креслу. Третий принёс список домов, где исчезло чувство направления.

Каждый связывал начало потерь с погасанием северного меридиана.

— Связь есть, — сказала Иара.

В зале стало тише.

— Север отказался от принудительных сборов. Совет перенаправил нагрузку на запад и юг.

— Вы знали, что так будет? — спросил Весс.

— Знала, что совет попытается.

— И всё равно отключили?

Иара посмотрела на женщину из гавани.

— Северная система убивала людей. Оставить её означало согласиться с убийством ради равновесия.

— Теперь умирают наши.

— Да.

Слово прозвучало недостаточно. Любое объяснение после него превратилось бы в защиту.

Талва стояла у стены. Её отвес медленно раскачивался, хотя в зале не было ветра.

— Если вы пришли просить прощения, — сказала она, — море не вернётся.

— Я пришла измерить причину.

— Причина перед вами. Империя удерживает западный меридиан, потому что северный больше не платит.

— Это ближайшая причина.

— А вам нужна древняя, чтобы сегодняшняя стала менее виноватой?

Иара сняла перчатку. Белые рубцы светились.

— Мне нужна та, которую можно остановить.

Талва увидела следы связи и впервые изменилась в лице.

— Вы действительно проводник.

— Нет. Проводник передаёт чужую волю. Я устанавливаю границу.

— Земля знает разницу?

— Проверим.

Совет разрешил экспедицию к башне. Решение имело условия: Иара находилась под наблюдением Талвы, государственная печать Оссара оставалась запечатанной, а все записи копировали в трёх экземплярах.

Кель потребовал четвёртый.

— Один для тех, кто будет чинить последствия ваших решений.

Бесс согласился.

После заседания Талва отвела их в старое управление гавани. Окна выходили на сухое море. На столах лежали карты, перечёркнутые красными линиями.

— Севен Ард был здесь? — спросила Иара.

Талва показала журнал прибытий.

Заключённого доставили под охраной месяц назад. Он провёл три дня в нижней Палате, затем его перевезли к древней башне. Назад вернулись только солдаты.

— Они сказали, что он погиб, — сказала Талва. — Тела не было.

— Кто подписал?

На приказе стоял знак белой маски и одна буква: К.

— Первый Счётчик, — сказал Оссар.

— Вы знаете его имя?

— Нет.

Талва свернула карту.

— Тогда завтра найдём хотя бы место.

Ночью Иара проснулась на полу.

Кровать стояла рядом, но тело выбрало камень. За окном белое дно отражало лунный свет. Город казался построенным над облаками.

Кель сидел у двери.

— Сколько? — спросила Иара.

— Три минуты без дыхания.

— Я дышала.

— Не своим ритмом.

Он помог ей подняться. Белые рубцы дошли до плеч. На коже между ними появилось новое направление — тонкая светлая линия, указывавшая к морю.

— Западное сердце меняет связь, — сказала Иара.

— Оно вас зовёт?

— Нет.

Она подошла к окну.

На древней башне горел единственный белый огонь.

— Оно показывает, где держат того, кто уже ответил.

Глава 4. Белое дно

Сухопутное судно Руна Эра называлось «Мелкая вода».

Название появилось задолго до исчезновения моря. Машину построили для перевозки соли по прибрежным отмелям: плоская рама, четыре высоких колеса, две мачты с жёсткими парусами и ручной привод на случай штиля. После отступления воды она стала единственным кораблём Астэра, способным выйти из гавани.

Рун встретил комиссию на рассвете. Он был широкоплечим, седым и носил на шее семь разных компасов.

— Ни один не работает, — заметил Кель.

— Поэтому не украдут.

Рун осмотрел повозку инженера, задержался у внешних шестерён и перестал улыбаться.

— Кто рассчитал передачу?

— Я.

— Тогда вы пойдёте рядом с правым валом. Он любит убивать самоуверенных.

— У нас есть общее качество.

На борт поднялись Иара, Кель, Талва, Оссар, Мирт, Рун и шесть городских рабочих. Тара осталась в Астэре готовить обратный путь. Весс выделил двух наблюдателей Палаты, но оба отказались после первого толчка.

Талва записала отказ без замечаний.

Колёса сошли с каменного спуска на ил. Паруса поймали восточный ветер, и «Мелкая вода» двинулась по бывшей гавани.

Город медленно удалялся. С моря Астэр всегда казался высоким. С белого дна он выглядел так, будто стены подняли слишком поздно и теперь пытались удержать край материка.

Первые мили проходили между кораблями. Старые корпуса лежали на боку, покрытые ракушками и солью. Некоторые затонули столетия назад. В открытых трюмах сохранились запечатанные амфоры, кости, металлические ящики. Горожане уже спускались сюда за ценностями, но после исчезновения направления многие не вернулись.

Рун вёл судно по звёздам и отметкам на мачтах.

— Днём? — спросил Оссар.

— По ветру.

— Если он изменится?

— По запаху города.

— А если исчезнет вкус и запах?

Рун коснулся одного из неработающих компасов.

— Тогда признаю, что заблудился. Это полезнее, чем уверенно вести людей не туда.

К полудню ил сменился твёрдой солью. На поверхности проступали линии древней кладки. Они не образовывали улиц. Каменные дуги окружали башню, каждая шириной с городской квартал.

Кель прыгнул на ходу и ударил молотком по плите.

— Пустота внизу.

Талва поставила отвес. Груз качнулся к центру дуги, потом к следующей.

— Пять направлений, — сказала она.

— Пять меридианов, — ответила Иара.

Система существовала до Империи. Возможно, до разделения материков. Первые счётчики не строили линии — они отмечали то, что уже было частью живого мира.

У второй дуги нашли человеческие следы.

Сапоги, волочение тяжёлого ящика, углубления от носилок. Следы шли к башне и не возвращались.

Оссар присел возле тёмного пятна. Кровь высохла не больше месяца назад.

— Охрана Севена, — сказал он. — Или он сам.

Мирт определил, что раненых было несколько. Один продолжал идти после большой потери крови.

Иара коснулась нитью пятна. След пятого кольца отозвался почти сразу. Севен был здесь. Его способность различать чужую боль впиталась в соль и осталась направленной вперёд.

— Живой? — спросил Кель.

— Когда вошёл в башню.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

У третьей дуги ветер стих.

Рун приказал перейти на ручной привод. Рабочие взялись за рычаги. Колёса сделали два оборота и остановились.

Соль впереди поднималась.

Не волной. Огромный пласт медленно выгибался, ломая каменную кладку. «Мелкая вода» оказалась на склоне. Люди схватились за борта. Талва осталась стоять, наблюдая за отвесами.

— Держитесь правее! — крикнула она. — Поверхность повернётся к башне.

— Откуда вы знаете? — спросил Рун.

— Грузы уже там.

Кель включил боковую передачу. Правые колёса заблокировались, левые продолжили движение. Судно развернулось поперёк склона. Рама застонала, но выдержала.

Подъём остановился через двадцать семь вдохов.

За ним последовал удар западного сердца.

Иара упала на колени. Перед глазами возникло не изображение, а направление такой силы, что тело попыталось ему подчиниться. Вниз означало к центру. Вверх — прочь от боли. Запад — туда, где натянуты старые цепи.

Она поставила границу.

На этот раз существо не отступило.

Белые рубцы раскрылись светом. Вместе с ударом пришло чужое ощущение: кто-то глубоко под солью держал сердце в неправильном положении.

Кель перехватил её за плечи.

— Закрой связь.

— Я пытаюсь.

— Это не измерение.

Его голос помог отделить человеческое направление от чужого. Иара вернулась в тело, почувствовала колени, камень, холодный ветер.

Рядом лежала Талва. Один из отвесов запутался вокруг её руки.

— Я не падала двенадцать лет, — сказала она.

— Земля изменила верх, — ответила Иара.

Талва посмотрела на башню.

— Тогда пусть объяснит зачем.

К вечеру они достигли первой каменной дуги вокруг сооружения. Башня поднималась на шесть этажей, но вход находился внизу, у прежнего морского дна. Двери были открыты. Внутри горел белый огонь без топлива.

На стене сохранялась надпись.

Иара ожидала увидеть древние знаки, однако текст был переведён на ранний имперский язык. Кто-то хотел, чтобы его понимали следующие поколения.

«МЫ, ЖИВУЩИЕ НА ЗАПАДНОЙ СПИНЕ, ПРОСИМ ЗЕМЛЮ ОСТАНОВИТЬ ДВИЖЕНИЕ НА СТО ЛЕТ».

Ниже перечислялась плата: одна ночь сна от каждого взрослого в год. Не сновидение целиком. Не память. Только время, в течение которого живой мир мог видеть себя человеческими чувствами.

Согласие требовалось обновить через сто лет.

Под первым договором шли следующие.

Печати менялись. Формулировки становились длиннее. Во втором продлении слово «просим» заменили на «подтверждаем». В третьем исчезло упоминание срока. В четвёртом плата стала обязательной. В пятом человеческие подписи заменил знак Палаты.

Подписи живой земли не было ни на одном.

Талва читала молча. Её лицо оставалось неподвижным, но медный груз в руке дрожал.

— Сколько прошло? — спросил Рун.

— Семьсот восемьдесят четыре года, — сказала Иара.

— После ста?

— После первого согласия.

Кель осмотрел механизм двери.

— Империя не удерживает природную аварию. Она заставляет землю исполнять просроченный договор.

В глубине башни что-то ударило по металлу.

Один раз.

Потом ещё.

Не сердце. Человек.

Оссар поднял фонарь. За белым огнём начиналась лестница, уходившая под морское дно. На первой ступени лежала имперская пластина с вырезанным именем.

СЕВЕН АРД.

Под именем кто-то нацарапал ногтем два слова:

«ОНА НЕ СПИТ».

Иара подняла пластину.

Западное сердце ударило в третий раз.

Башня закрыла двери.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОРЕ ПОД ЗЕМЛЁЙ

Глава 5. Карта, которая движется

Двери не захлопнулись.

Каменные створки сблизилась медленно, без удара, оставив между собой тонкую полосу вечернего света. Оссар успел вставить нож, но металл согнулся, не задержав движение. Кель бросил в щель рукоять молотка. Дерево треснуло.

Рун не попытался помочь.

Он смотрел на белый огонь.

Пламя вытянулось в сторону лестницы, будто указывало путь.

— Башня не запирает нас, — сказал он. — Она отделяет внутреннее от внешнего.

— Для людей внутри разница небольшая, — ответил Кель.

Створки сошлись. Последний свет исчез. Белое пламя стало ярче, но не отдало тепла.

Рабочие остались у входа. Один потребовал открыть дверь немедленно. Другой согласился спускаться, пока не услышал подземный удар. Талва записала оба решения.

— Вы ведёте ведомость даже сейчас? — спросил Мирт.

— Особенно сейчас. После нас кто-нибудь обязательно скажет, что все согласились.

Иара провела измерительной нитью по стене. В камне не было запирающего контура. Механизм реагировал на положение башни относительно глубинной линии. Пока земля находилась в определённой фазе движения, вход оставался закрытым.

— Сколько? — спросил Кель.

— Может быть, час. Может быть, год.

— Отличный диапазон.

— Его можно сузить, если понять ритм.

Лестница уходила вниз по спирали. Ступени были разной высоты, словно строители учитывали, что направление тяжести будет меняться. На стенах через каждые семь витков стояли металлические рамы. В них висели гладкие каменные шары.

Первый шар касался нижнего края.

Второй — бокового.

Третий лежал на верхней перекладине.

Кель поднял фонарь и некоторое время молчал.

— Это не отвесы.

— Отвесы, — сказала Талва. — Для разных положений земли.

Она достала карту белого дна, разложила на ступени и отметила направление каждого шара. Линии не сходились в одной точке. Они образовывали дугу, будто башня успела побывать в нескольких местах, не разрушившись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.